

СТАТИСТИКА НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ДЕПОРТАЦИЙ КРЕСТЬЯНСТВА В 1930–1931 гг.: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

С.А. Красильников

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет

krass49@gmail.com

В конце 1980-х гг. в контексте политики «открытия архивов» историки получили доступ к государственной статистике репрессий начала 1930-х гг. При очевидных достоинствах централизованного учета репрессий обнаружились значительные лакуны в учете и контроле за динамикой депортированного в спецпоселения крестьянства в 1930–1931 гг. Депортационные операции и создание практически с нуля системы спецпоселений не могли не вызвать статистических сбоев и искажений в отчетности, своего рода информационную «серую дыру». Социальный хаос породил хаос статистический. На состояние учета ссыльных крестьян влияли факторы как институционального (межведомственные противоречия и рассогласования действий карательных органов, громадная текучесть кадрового состава комендатур и т.д.), так и поведенческого (активные и пассивные формы крестьянского сопротивления) характера. Результатом стало то, что статистически зафиксированная убыль населения спецпоселков в указанный период составила полмиллиона человек, или более четверти численности депортированных, однако точных данных о механизмах и соотношениях различных форм столь катастрофической убыли депортационная статистика не отразила. В данной публикации проанализированы причины информационного «сбоя» корпоративной статистики.

Ключевые слова: дефектность статистики, межведомственные противоречия, система спецпоселений, депортационная статистика, формы учета, динамика убыли.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-33-41

Постановка проблемы. Вплоть до конца 1980-х гг. не только профессиональные историки, отечественные и зарубежные, но и представители спецслужб не обладали аналитической информацией, позволявшей дать оценки масштабу т. н. внесудебных репрессий, связанных с массовыми депортациями/высылками значительных групп населения СССР внутрь страны в постреволюционную эпоху, особенно в сталинский период. Основным препятствием на этом пути являлись идеологические за-

преты и корпоративные интересы. В частности, осуществленное в хрущевский период «полуоткрытие» сведений о статистике осужденных и расстрелянных по обвинению в т. н. контрреволюционных преступлениях (ст. 58 УК РСФСР) играло роль своего рода громоотвода, приоткрывшего только часть сложноорганизованной ГУЛАГовской системы, а реабилитация жертв государственных репрессий не предусматривала в те годы аналогичного решения в отношении депортированных лиц раз-

личных категорий, находившихся в режимных условиях спецпоселений с 1930 до второй половины 1950-х гг. На государственном уровне были признаны и осуждены репрессии политического характера, но замалчивались не менее массовые по своим масштабам репрессии по социальным, этническим, конфессиональным и другим не уголовным основаниям. Подобного же рода водораздел сформировался и воспроизводился и в исторической памяти различных слоев и страт советского общества, фактически разобщенных и сегментированных даже внутри подвергнутых репрессиям категорий: одним «наказанным» народам была возвращена автономия, другим в этом было отказано. Весьма парадоксальная ситуация сложилась в осмыслении событий крестьянских депортаций начала 1930-х гг., носивших в своей основе социальный характер, но идеологически густо окрашенных в «антисоветский» цвет. Термин «раскулачивание» на долгие полвека, вплоть до конца 1980-х гг., фактически заблокировал возможность формирования у репрессированных по данной учетной категории определенной консолидации, солидарности, присущих этно- и конфессиональным группам, пережившим спецпоселение.

Когда на рубеже 80–90-х гг. проблематика государственной ответственности за массовые (не уголовные) репрессии оказалась востребованной и стала трансформироваться в реабилитационную политику государства по отношению к отбывшим спецпоселение лицам, потребовались форсированные усилия по формированию корпуса достоверных сведений о создании и функционировании системы спецпоселений, движении находившихся там «спецконтингентов» и т. д. Следует отметить сложивше-

ся с этого времени своего рода разделение труда между профессиональными историками и сотрудниками спецслужб, функционально отвечавших за реабилитационные процедуры: исследователи изучали фонды центральных и региональных структур, осуществлявших внесудебные репрессии в форме высылки и ссылки, извлекая оттуда нормативную, отчетную, статистическую и иную информацию; работники региональных органов МВД и ФСБ работали по персональным запросам.

Как выяснилось достаточно скоро, статистические данные о движении «спецконтингентов» обладают рядом лагун, не позволяющих получить достаточно четкую динамику депортационного процесса на ранних стадиях формирования системы спецпоселений. В частности, это относится к 1930 и 1931 гг., на которые пришлось две самые значительные депортационные операции. Свои устойчивые и разработанные параметры для статистического учета руководящий орган в лице Отдела спецпоселений (ОСП) ГУЛАГа ОГПУ начал применять только с января 1932 г. Статучет предусматривал две группы показателей: первая основывалась на учете каналов/источников пополнения «спецконтингентов» (сюда входили кумулятивные сведения о вновь высланных из регионов страны в спецпоселки в пределах учетного года, рожденных в семьях репрессированных, возвращенных из бегов, прибывших на воссоединение с семьями и т. д.); вторая содержала сведения о различных источниках убыли спецпереселенцев (сюда включались данные об умерших, бежавших, освобожденных по различным основаниям и др.). Тем самым в распоряжении историков оказались динамические ряды, отразившие движение

населения спецпоселков, охватившие период с 1932 по 1940 г. [2, л. 216].

Эти данные, с веским основанием называться базовыми для статучета 1930-х гг., впервые были введены в научный оборот московским историком В.Н. Земсковым, выпустившим затем цикл статей на основе выявленного им массива статданных за весь тридцатилетний период существования системы спецпоселений в СССР (1930–1960), которые затем он свел в монографический текст [3]. Что касается периода 1930–1931 гг., тот же В.Н. Земсков опубликовал справку Отдела спецпоселений «Сведения о выселенном кулачестве в 1930–1931 гг.», согласно которой в указанные годы высылке в спецпоселки подверглось около 381 тыс. семей общей численностью 1,8 млн человек [Там же, с. 16]. Поскольку статистические источники ОСП зафиксировали численность спецпереселенцев на начало 1932 г. цифрой в 1,3 млн человек, историкам предстояло ответить на вопрос, как образовалась убыль в полмиллиона человек.

В.Н. Земсков ответил в своем исследовании на данный вопрос достаточно прагматично: «В документах нет указаний на то, из каких компонентов слагалась эта убыль. Конечно, не вызывает сомнений, что главными компонентами являлись побег и смертность. Причем, как правило, на первом месте по численности находились бежавшие, на втором – умершие. Например, в 1930–1931 гг. в систему уральских трестов... было передано 130 613 спецпереселенцев, из них к середине 1934 г. бежало 60 214, а умерло 31 240» [Там же, с. 28]. Кроме того, историк назвал еще два источника потерь, не оценивая, однако, возможного их удельного веса в общих размерах убыли ссыль-

ных: смертность в пути следования и освобождение из мест ссылки [Там же].

Отметим, что проблема реконструкции того, каковы составляющие убыли населения спецпоселков на стадии формирования самой системы спецпоселений, связана с более общей задачей выявления действия механизмов и технологий того, как действовал государственный репрессивный аппарат, с одной стороны, и каким было поведение и действие депортированных крестьян – с другой. Очевидно, что явление, маркированное с легкой руки Сталина «Великим переломом» (форсированное насаждение системы коллективных хозяйств), имело своей составной частью и теневой стороной широкомасштабные аресты и высылки, названные «раскулачиванием», которое вызвало среди крестьянства социальный хаос, различные формы активного и пассивного протеста, массовое бегство и т. д. В данном контексте депортационные операции и создание практически с нуля системы спецпоселений не могли не вызвать статистических сбоях и искажений в отчетности, своего рода информационную «серую дыру». Социальный хаос порождал хаос статистический.

Его слагаемые очевидны. Лакуны в системе учета и контроля за учетными категориями «кулаков» существовали еще до 1930 г., а в 1930 и 1931 гг. статистический хаос еще более усилился. До начала коллективизации учетом «кулацких» хозяйств занимались прежде всего ординарные государственные органы: финансовые, занимавшиеся обложением и взысканием налогов; органы милиции, осуществлявшие учет лиц, лишенных избирательных прав («лишенцев»), и т. д. В ходе депортационной кампании 1930 г. высылка потребовала тесного взаимодействия двух силовых

структур – милиции и чекистов, между которыми существовали свои ведомственные разногласия и конфликты. И если сама высылка проходила при доминировании чекистов, то перевозка и последующее расселение и создание спецпоселков, хозяйственное устройство и использование труда ссыльных крестьян передавалось в ведение органов НКВД (милиции). Поэтому в 1930 г. сложилось функциональное и информационное двоевластие, когда одно ведомство собирало сведения о собственно депортационной операции, а другое – о передаваемой под его эгиду ссыльной массе. Создать надлежащим образом работавшую информационно-учетную систему для спецпоселков органы НКВД попросту не сумели: в конце 1930 г. само ведомство было расформировано, созданные для целей управления комендантские отделы/ управления в регионах со всем штатом весной 1931 г. были переданы в ведение ОГПУ, а созданный ОСП стал подразделением ГУЛАГа. И хотя чекистское ведомство теперь обладало всей полнотой власти над крестьянской ссылкой, у чекистов ушло не менее полугода на то, чтобы установить контроль и достичь необходимого уровня управляемости системой спецпоселений. В этом главная и основная причина очевидной неполноты и отчасти даже недостоверности учетно-статистических сведений о состоянии крестьянской ссылки в 1930–1931 гг.

Исследователи изначально обращали внимание на то, что кажущаяся четкость учета того, сколько, откуда и куда было выслано крестьянских семей и так называемых одиночек во время массовых депортаций 1930–1931 гг., фактически затемняла суть происходивших в это время в деревне процессов. Так, нормативное деление

репрессированных крестьян на три категории (первая группа подлежала индивидуальным репрессиям, от заключения до расстрела; вторая группа подлежала высылке с семьями в отдаленные районы страны; третья подлежала переселению внутри районов своего проживания) создавало обстановку административного и учетного произвола, который усугублялся директивами регионам по контрольным цифрам/лимитах на репрессии. Особенно очевидно субъективизм проявлялся на местном уровне в ходе отнесения конкретной семьи ко второй или к третьей категориям. Учет «кулаков» разных категорий, действовавший на протяжении 1930 г., создал больше затруднений и неудобств, чем ожидавшейся гибкости и дифференциации в осуществлении репрессий, и в 1931 г. категории учета репрессированных «кулаков» были сведены в одну. Однако разноуровневость учета 1930 г., очевидным образом влиявшая на общие цифры репрессий, порождает споры между историками, большинство из которых склоняется к тому, что группа кулаков третьей категории осталась за рамками строгого карательного учета.

Кроме того, мощнейшим фактором корректировки контрольных цифр карательных операций в деревне стало массовое протестное поведение крестьянства. Крайне распространенной поведенческой линией выступал пассивный протест, выражавшийся в самоликвидации крестьянством своих хозяйств и в массовом бегстве из-под арестов и высылки. При самых общих подсчетах среди 25 млн деревенских хозяйств в конце 1920-х гг. доля зажиточной прослойки, т. е. кулаков, составляла, по оценкам налоговых органов, около 4 % от их общей численности, т. е. под конфискацию имущества и репрессии попал

1 млн хозяйств. Между тем, согласно учетной статистике карательных служб, в ходе выселки 1930–1931 гг. в спецпоселки было направлено около 400 тыс. семей. Соответственно, почти 600 тыс. семей (совокупно до 3 млн чел.) либо находились в состоянии отложенной репрессии, либо исчезли всевозможными способами из поля зрения спецорганов. Между группами репрессированных крестьян и крестьян-беженцев на протяжении 1930-х гг. происходил взаимный переток: бежавшие из спецпоселков пополняли группу риска крестьян – вынужденных мигрантов, последние же в ходе многочисленных «чисток» городов и предприятий и строек подвергались арестам и направлялись в спецпоселки (в директивных документах того времени данная категория именовалась как «бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства»). Попытки использовать репрессивные методы для пресечения стихийных крестьянских миграций (аресты и депортации «бежавших кулаков») предпринимались и позднее, в 1933, 1935, 1937 гг., однако их повторяемость являлась скорее индикатором низкой эффективности проводившихся операций.

Если базовые причины отмеченного выше статистического «разрыва» почти в полмиллиона депортированных крестьян с их семьями в 1930–1931 гг. лежат на поверхности (бегство, смертность, передача части ссыльного «контингента» на иждивение родственников), то соотношение слагаемых статистической убыли между собой является предметом аналитической работы. Так, в 1930 г. основным регионом размещения депортированных крестьян выступал Северный край, куда в феврале-марте была направлена 231 тыс. чел. (42 % от общей численности крестьян-

ской ссылки). Согласно чекистской сводке от 22 декабря 1930 г., в спецпоселках региона насчитывалось 104 тыс. чел. Убыль в 127 тыс. объяснялась следующими причинами: умерло 21,2 тыс. чел. (16,7 %); детей, отправленных на родину к родственникам, – 35,4 тыс. чел. (28,0 %); возвращено на родину «неправильно высланных» 1,4 тыс. чел. (1,1 %); признано «неправильно высланными», но оставлено в Северном крае «на свободное жительство» 26,5 тыс. чел. (20,8 %); бежало 40 тыс. чел. (31,5 %) (из них задержано 24 тыс. чел.); прочие причины убыли 2,4 тыс. чел. (1,9 %) [4, оп. 8, д. 137, л. 494–496].

В долевым выражении среди каналов убыли спецпереселенцев в Северном крае в течение 1930 г. доминировали бежавшие из спецпоселков, в то же время немалая их часть (более половины) задерживалась и подлежала возвращению в комендатуры, хотя для отдельных групп побег карался лишением свободы. Акция «гуманизма» – возвращение детей спецпереселенцев в возрасте до 10 лет домой к родственникам – в последующем в подобных масштабах более не осуществлялась, а носила выборочный характер. Специфический характер носила и кампания по освобождению из комендатур «неправильно высланных», но без права выезда из Северного края, которая также в дальнейшем в таких масштабах не производилась. И, наконец, в разряд убыли относились умершие – каждый пятый из депортированных в данный регион.

Картина убыли спецпереселенцев в Северном крае за 1930 г. в целом дает определенное представление о том, что произошло с депортированным крестьянством на начальной стадии формирования спецпоселений. Имели место прямые потери

депортантов (смертность), протестное поведение (побеги) и санкционированное освобождение из комендатур. В последующие годы среди слагаемых убыли депортантов доминировали смертность и побег, а отдельные кампании снятия ссыльных со спецучета носили в первой половине 1930-х гг. эпизодический характер.

О том, как был поставлен учет депортантов в других регионах концентрации комендатур в 1930–1931 гг., можно судить по составленной чекистами осенью 1931 г. на основе сведений из региональных полпредств ОГПУ сводке о масштабах побегов и задержаний спецпереселенцев (таблица; источник: [4, оп. 10, д. 379, л. 94]).

Динамика побегов и задержаний спецпереселенцев в основных регионах их размещения с весны 1930 по сентябрь 1931 г.

Регион	Число спецпереселенцев	Число бежавших	% бежавших к общему числу	Число задержанных	Находится в бегах
Северный край	135 894	39 743	29,2	24 285	15 458*
Уральская обл.	530 726	12 531	2,4	Нет свед.	12 531
Зап.-Сиб. край	309 758	28 576	9,2	Нет свед.	28 576
Вост.-Сиб. край	86 553	8054	9,3	Нет свед.	8054
Дальне-Вост. край	16 839	1574**	9,3	Нет свед.	1574
Сев.-Кавк. край	67 298	6053	8,9	1415	4638
Юж. Казахстан	46 853	3859	8,2	574	3285
Сев. Казахстан	171 937	1260	0,7	460	800
Итого	1 365 858	101 650		26 374	74 916

* Данные за 1930 г.

** Данные за ноябрь 1930 – март 1931 г.

Представленные в таблице сведения являются далеко не полными и, кроме того, не вполне сопоставимыми. Так, данные по Северному краю отразили статистику бежавших только за 1930 г. Не имея сведений за 1931 г., работники центрально-го аппарата ОГПУ механически перенесли цифру предыдущего года на весь период (март 1930 – сентябрь 1931 г.). Очевиден явный недоучет бежавших из комендатур Уральской обл. По данным чекистов, из Уральской обл. лишь в сентябре 1931 г. бежало 18,5 тыс. чел., в октябре 1931 г. – 9,4 тыс. чел. [4, оп. 10, д. 379а, л. 89].

Противоречива и статистика побегов из Сибирского региона. До сентября 1930 г., когда Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, ПП ОГПУ Сибкрая в одних документах указывало 27 932 бежавших [4, оп. 9, д. 20, л. 321], в других – 21 тыс. [4, оп. 8, д. 506, л. 368 об]. Данные же в целом за март 1930 – сентябрь 1931 г. (28,5 тыс. чел.) также представляются заниженными в сопоставлении с числом бежавших из нарымских комендатур с июня по декабрь 1931 г. – 16 434 чел., по данным СибЛЛАГа [1, л. 59]. Следует учесть и то, что с лета

1931 г. началось формирование сети кузбасских комендатур, в которых осенью 1931 г. сосредоточивалось до 100 тыс. чел. и откуда также бежали спецпереселенцы.

Приведенные выше данные о бежавших из отдельных регионов свидетельствуют о несовершенстве статистики побегов в 1930–1931 гг. Официальная численность бежавших в 101 650 чел. может быть увеличена примерно до 200 тыс. чел.

Еще труднее оценить масштабы смертности в спецпоселках в 1930–1931 гг. Чекисты даже не пытались обобщить данные по стране. По разрозненным сведениям отдельных ПП ОГПУ можно сделать вывод, что доля умерших за март–декабрь 1930 г. колебалась от 7 (Ленинградская обл.) до 9,51 % (Северный край) от общей численности вселенных в спецпоселки [4, оп. 9, д. 20, л. 184]. В период второй массовой депортации (май–сентябрь 1931 г.) смертность также держалась на высоком уровне. В нарымских комендатурах за июнь–декабрь 1931 г. скончалось 18 тыс. чел. (91 % от общей численности) [1, л. 59]. В Северном Казахстане в июне – октябре 1931 г. умерло около 12 тыс. чел. (8 % от общей численности) [4, оп. 10, д. 379а, л. 79].

Централизованный с 1932 г. учет «кулацкой ссылки» предусматривал несколько рубрик учета убыли спецпереселенцев: бежавшие, умершие, осужденные, освобожденные как «неправильно высланные», переданные на иждивение, восстановленные в правах и «прочие причины». Этим классификатором следует воспользоваться при анализе структуры убыли среди репрессированных крестьян в 1930–1931 гг. по доступным источникам. Можно предположить, что потери складывались прежде всего из показателей побегов и смертности.

Доля умерших достигала 7–9 % от общей численности депортированных в 1930–1931 гг. (1,8 млн чел.), в абсолютных цифрах составляла 126–162 тыс. чел.

Данные о категории лиц, переданных на иждивение родственникам (дети, инвалиды и другие группы нетрудоспособных), также разрознены. Выше уже отмечалось, что весной–летом 1930 г. по специальному решению Центра из Северного края было вывезено 35,4 тыс. детей [Там же, л. 90]. По другим регионам сведения отсутствуют. Есть сведения по комендатурам страны о переданных на иждивение детей, стариках и других группах нетрудоспособных во второй половине 1931 г. – 24 тыс. чел. [Там же, л. 184]. Тогда же в детские и инвалидные дома было направлено 4,5 тыс. сирот и инвалидов [Там же]. Таким образом, даже по этим неполным данным численность различных групп нетрудоспособных, находившихся в 1930–1931 гг. в спецпоселениях, от которых репрессивная система «раз-гружалась», определяется примерно в 65 тыс. чел.

Еще одним каналом убыли спецпереселенцев было возвращение или снятие со спецучета лиц, «неправильно высланных». Весной–летом 1930 г. только в Северном крае комиссии выявили 28 тыс. лиц данной категории, на Урале таковых оказалось меньше – 3,3 тыс. чел. [4, оп. 9, д. 120]. По данным комиссий, занимавшихся рассмотрением заявлений о «неправильной высылке», численность возвращенных или снятых с учета в 1930 г. могла составлять менее 35–40 тыс. чел. Во второй половине 1931 г. комиссии в регионах заработали вновь. К ним поступило до 20 тыс. заявлений. До конца 1931 г. было рассмотрено лишь 3,8 тыс. ходатайств и только 11 тыс. чел. добились положительного результата

[4, оп. 10, д. 379а, л. 89–90]. Исходя из этого можно предположить, что в 1931 г. комиссии по определению «неправильно высланных» действовали более жестко, нежели годом ранее, и спецпоселения смогли покинуть не более 5–6 тыс. высланных.

Таким образом, реконструированная на основании документации спецорганов разных уровней динамика убыли спецпереселенцев в 1930–1931 гг. представляется следующей: убыль складывалась в основном за счет бежавших (до 200 тыс. чел.) и умерших (около 160 тыс. чел.), далее шли переданные на иждивение родственникам и государству (более 65 тыс. чел.) и «неправильно высланные» (ок. 45 тыс. чел.).

Выводы. Прделанный нами обзор статистических данных о динамике движения депортированного крестьянства в 1930–1931 гг. позволяет сделать следующие выводы. Депортационная статистика в указанные годы не является надежным источником информации. На качество статистических данных влияли и объективные и субъективные факторы. К числу первых следует отнести обстоятельства институционального порядка, связанные с «издержками» начального периода создания системы спецпоселений, когда учет и контроль над ссыльным крестьянством не был синхронизирован с репрессивной практикой, а очевидным образом запаздывал. Организационный хаос (межведомственные конфликты между чекистскими и милицейскими структурами, объединение и разделение комендатур, громадная текучесть кадрового состава работников комендатур и т. д.) длился вплоть до середины 1932 г., когда положение в спецпоселках с позиций управленче-

ских воздействий на ссыльную массу относительно стабилизировалось, в штатах комендатур появилась должность статистика.

К факторам второго порядка следует отнести поведенческие действия репрессированного крестьянства. Противостояние государственной власти и крестьянства, города и деревни в 1930–1931 гг. по своему характеру напоминали обстановку и атмосферу гражданской войны десятилетней давности. Политика государственного насилия по отношению к зажиточным и средним слоям деревни, обозначенная термином «раскулачивание», наталкивалась на активные и пассивные формы крестьянского сопротивления: масштабные аресты и депортации в сочетании с массовым бегством крестьянства из мест своего проживания усугубляли социальную катастрофу, измерить которую точными статистическими процедурами оказывается невозможно. «Излом» репрессивного раскрестьянивания даже спустя восемь с половиной десятилетий не дает историкам нужных данных для оценок его глубины, масштабов и последствий. Изменение социальных катастроф было и остается «проклятым вопросом» и для истории, и для статистики.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. Р-47. – Оп. 5. – Д. 137.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-9479. – Оп. 1. – Д. 89.
3. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
4. Центральный архив ФСБ Российской Федерации. – Ф. 2.

**STATISTICS OF THE INITIAL PERIOD
OF THE DEPORTATION OF THE PEASANTRY
IN THE 1930–1931 YEARS: THE POSSIBILITIES
AND LIMITATIONS FOR HISTORICAL RECONSTRUCTION**

S.A. Krasilnikov

National Research Novosibirsk State
University

krass49@gmail.com

At the end of the 1980s in the context of the policy of «opening of the archives» historians got an access to government statistics on repressions of the Soviet era. With the obvious advantages of a centralized accounting of repressions significant gaps in the accounting and dynamics control of deported to special settlements peasantry in the 1930–1931 years were revealed. Deportation and the creation from the very beginning of special settlements could not but cause disruption and misrepresentation of statistical reporting, such a kind of information is called «gray hole». Social chaos generated chaos in statistics. Both institutional factors (interdepartmental contradictions and uncoordinated actions of secret police, a huge turnover of staff of the commandant's offices, etc.) and behavioral factors (active and passive forms of peasant resistance) influenced the accounting of exiled farmers. As a result the statistically recorded special settlements population loss in the period amounted to half a million people, or a quarter of the number of deportees, but accurate data on the mechanisms and relationships of various forms of such catastrophic deportation statistics were not fixed. This publication analyzes the causes of the information «failure» of corporate statistics.

Keywords: imperfection of statistics, interdepartmental conflicts, the system of special settlements, deportation statistics, forms registration, dynamics of the population loss.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-33-41

References

1. State Archive of Novosibirsk Region. F. R-47. Inv. 5. Doc. 137. (In Russian)
2. State Archive of Russian Federation. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 89. (In Russian)
3. Zemskov V.N. *Spetsposelentsi v SSSR, 1930–1960* [Specialsettlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 306 p.
4. Central Archive of the FSS of Russian Federation. F. 2. (In Russian)